

НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИФРОВЫХ КОРПОРАЦИЙ И ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ РОССИИ

С. Ю. Зайцев

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Повсеместное распространение интернета, стремление ведущих мировых держав к реализации концепции цифровой экономики и развитие научно-технического прогресса привели к росту влияния таких участников крупного бизнеса, как цифровые корпорации. Особенности таких корпораций является разработка продуктов, услуг и инфраструктуры, обеспечивающих дальнейшую цифровизацию различных сфер жизни общества, а также использование компаниями «платформенной» бизнес-модели. Увеличение финансовых средств цифровых корпораций и их доминирующее положение в разработке технологий являются качественным заделом для оказания влияния на политические процессы. Например, в период избирательных кампаний путем распространения фейковых новостей или для выстраивания коммуникации кандидатов с гражданами; использование продуктов цифровых корпораций активистами для мобилизации и координации участников массовых протестных акций; участие крупных корпораций в реализации правительственных программ по цифровизации государственного сектора. Деятельность цифровых корпораций, распространяющих свои продукты, привела к изменению целого ряда отраслей экономики (пассажироперевозки, торговля, гостиничное дело, реклама и др.) и обнажила проблемы, которые в ближайшем будущем предстоит решать государствам как ключевым политическим акторам. Так, государству необходимо противостоять цифровым корпорациям в их стремлении к монополизации рынков, обеспечить безопасность персональных данных граждан, снизить негативные последствия использования индивидами цифровых продуктов и сервисов. В статье рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия государства и цифровых корпораций в России. Автор выделяет основные направления сотрудничества и конфликта между государством и цифровыми корпорациями, опираясь на анализ наиболее показательных и актуальных случаев.

Ключевые слова: цифровые корпорации, государство, бизнес, цифровизация, платформа.

ВВЕДЕНИЕ

Широкое распространение интернета, диджитализация основных общественных сфер и стремление ведущих мировых держав к реализации концепции цифровой экономики обеспечили рост технологического и экономического влияния бизнес-компаний, специализирующихся на разработке продуктов, услуг, сервисов и инфраструктуры для ее функционирования. В данном исследовании мы будем называть их цифровыми корпорациями. Разработки и продукты таких компаний, как Facebook*, Microsoft, Google, Uber, Amazon и др. стали

* Meta признана экстремистской организацией в РФ.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

неотъемлемой частью жизни как в развитых, так и в развивающихся странах. Высокий спрос на продукцию этих цифровых корпораций позволил им закрепить свой статус важных игроков в мировой экономике и бизнесе. Так, согласно рейтингу бизнес-журнала Forbes, в первую сотню ведущих транснациональных корпораций (ТНК) входят восемь компаний, работающих на рынке цифровых услуг и сервисов (шесть компаний базируются в США, две — в Китае)¹.

Различные аспекты деятельности цифровых корпораций становятся объектом интереса представителей ряда научных дисциплин: экономики [Moazed, Johnson, 2016; Weiss, Grab, 2020; Luo, 2021; Chen et al., 2019; Березной, 2018], социологии [Van Dijck et al., 2018; Woodcock, 2021; Smyrniotis, 2018], менеджмента [Claire Reillier, Reillier, 2017; Cusumano et al., 2019; Паничкин, 2021] и др. Рост влияния цифровых корпораций на политические процессы и политическую повестку заставляет обратить внимание на данных акторов и политологов [Culpepper, Thelen, 2020; Collier et al., 2020; Moore, Tambini, 2018; Абрамов, Абрамова, 2018].

Увеличение количества товаров и услуг, основанных на сборе, анализе и обработке цифровых данных, способствовало развитию бизнес-модели, получившей в научной литературе название «платформа», т.е. комплекс технологий, обеспечивающих взаимовыгодные взаимодействия между производителями товара и покупателями (потребителями услуги), а также предлагающих инфраструктуру и устанавливающих правила для участников (более развернутые определения см.: [Паркер и др., 2017; Срничек, 2019]). Основными выгодоприобретателями и доминирующими акторами стали крупные цифровые корпорации, придерживающиеся данной бизнес-модели, а также создающие цифровую инфраструктуру и программные продукты для ее функционирования. Американские исследователи К. Рахман (K. Rahman) и К. Телен (K. Thelen) выделили ряд особенностей цифровых корпораций, использующих платформенную бизнес-модель:

- стремление к постоянному росту сбора и обработки данных и их использование для получения новой информации о потребителях;
- установление контроля за действиями пользователей, формирование условий взаимодействия между участниками;
- оказание влияния на развитие традиционных отраслей экономики;
- необходимость постоянного увеличения и удержания пользователей (как производителей, так и покупателей) на платформе — сетевой эффект;
- развитие компании обеспечивается в большей степени с помощью союза с потребителями благодаря установлению более прочных связей, возможностей сбора информации с устройств пользователя и выявлению его интересов [Rahman, Thelen, 2019, p. 178–181].

Однако, несмотря на увеличение роли цифровых корпораций в глобальной экономике и экономике отдельных стран, научное сообщество уделяет недо-

¹ Global 2000. The World's Largest Public Companies. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/global2000/71b3b1f335d8> (дата обращения: 25.06.2021).

статочное внимание проблемам их взаимодействия с государствами, анализу их деятельности как участников политических процессов. Особую актуальность данная проблема представляет для России по ряду причин: во-первых, из-за роста внимания государства к необходимости выстраивания модели цифровой экономики и роли в данном процессе бизнеса; во-вторых, из-за увеличения санкционного давления и необходимости самостоятельно искать «точки роста» для развития новых технологий и формирования основанных вокруг них рынков; в-третьих, из-за использования продуктов и разработок зарубежных цифровых корпораций оппозиционными акторами. Указанные причины обуславливают не только теоретический интерес со стороны представителей политической науки к цифровым корпорациям, но и способствуют поиску и разработке практических решений и ответов на стоящие перед государством вызовы в данной области.

Целью статьи является выявление особенностей влияния цифровых корпораций на политическую сферу в России и характерных черт их взаимодействия с государством. Для достижения указанной цели необходимо последовательное решение следующих исследовательских задач: дать оценку основным подходам к деятельности государства в сфере функционирования цифровых корпораций; сформулировать основные предпосылки деятельности российских и зарубежных цифровых корпораций на территории страны; охарактеризовать основные направления взаимодействия цифровых корпораций и государства в России.

ГОСУДАРСТВО И ЦИФРОВЫЕ КОРПОРАЦИИ

Российский исследователь Л. В. Томин проанализировал возможности трансформации отношений государства и крупных корпораций в условиях цифровой экономики. Ученый отметил, что государственные институты, по сути, менее мобильны и более ограничены в своих действиях, чем цифровые компании, и поэтому в дальнейшем взаимодействии необходимо учитывать ряд аспектов: высокий уровень концентрации и централизации капитала у цифровых ТНК и их стремление занять монопольное положение в своей сфере; использование бизнесом возможностей по снижению налоговых выплат путем регистрации в странах с низкой ставкой корпоративного налогообложения или использование офшоров; необходимость привлечения государством цифровых корпораций для реализации концепции «умного города» и использование их технологий в ряде общественных секторов (транспортная и энергетическая инфраструктура, системы наблюдения и др.); усиление непрозрачности принятия решений из-за использования цифровых алгоритмических систем; увеличение давления и контроля над сотрудниками цифровых корпораций и, как следствие, развитие социальных движений, привлекающих внимание к данной проблеме [Томин, 2019].

Американские исследователи Ф. Фукуяма (F. Fukuyama), Б. Ричман (B. Richman) и А. Гоэль (A. Goel) проанализировали деятельность цифровых корпораций с точки зрения угроз демократическим политическим институтам. Особое внимание ученые уделили роли в данном процессе социальных сетей (Facebook*,

* Meta признана экстремистской организацией в РФ.

Twitter) и поисковиков (Google). Исследователи утверждают, что, обладая большим объемом финансовых и технологических ресурсов, цифровые корпорации имеют возможность установления «информационного монополизма» в политической и других сферах. Авторы выделили ряд технологий, которые могут усилить данную тенденцию и оказывают влияние на политические предпочтения граждан: распространение фейковых новостей и продвижение теорий заговора; эффект эхо-камеры и демонстрация однообразного контента через внедрение определенных алгоритмов; анализ и использование данных о повседневной жизни пользователей против их воли и интересов [Fukuяama et al., 2021, p. 102–103]. Отсутствие эффективных инструментов купирования данных угроз приводит к поляризации общества, усилению социальных конфликтов, приходу к власти политиков-популистов или сторонников радикальных взглядов.

Ф. Фукуяма, Б. Ричман и А. Гоэль предлагают ряд инструментов, применение которых позволит снизить и ограничить властный потенциал цифровых корпораций, использующих платформенную модель:

- усиление государственного регулирования деятельности цифровых корпораций;
- создание условий для увеличения конкуренции платформ путем, например, разделения крупных компаний на независимые фирмы по примеру Standard Oil в 1911 г. и AT & T в 1984 г.;
- возможность переноса персональных данных пользователя на другие платформы;
- защита конфиденциальности и использование полученных корпорацией метаданных пользователей только с их согласия;
- создание программного обеспечения с прозрачными алгоритмами и настраиваемыми фильтрами, способствующими выявлению недостоверной информации и непроверенного контента [Fukuяama et al., 2021, p. 103–106].

Таким образом, Ф. Фукуяма с соавторами ограничивают действия государства только регулированием деятельности цифровых корпораций и установлением законодательных рамок, позволяющих снизить уровень монополизации интернет-рынка, увеличить долю небольших компаний на нем. Можно сделать вывод, что предложения авторов, придерживающихся неолиберальных взглядов, оставляют достаточно высокий уровень автономии самих цифровых корпораций, а также определенную свободу индивидов в выборе платформы и установлении фильтров для отбора информационных потоков.

Важными точками напряжения между государствами и цифровыми корпорациями являются налогообложение в сфере интернет-торговли и рекламы, защита конфиденциальности пользователей, размещение инфраструктуры для хранения и обработки данных на территории страны, в которой компании предоставляют свои продукты и услуги. Эксперты Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству Генерального секретаря ООН выделили три подхода государственных органов к деятельности цифровых корпораций:

1. Относительное невмешательство государства (relatively laissez-faire). Ключевой характеристикой такого подхода является минимальное регулирование деятельности цифровых корпораций и, как следствие, их высокий уровень самоорганизации. Наиболее ярким примером такого подхода являются США.
2. Активное государственное вмешательство (active state intervention). В рамках данного подхода правительства стремятся установить правила для работы цифровых корпораций, аналогичные правилам в области, например, промышленности, а также привлечь представителей данного бизнеса к обсуждению политических решений. Примерами данного подхода являются такие страны, как Сингапур и Китай.
3. Регулирование деятельности цифровых компаний с целью увеличения конкуренции в данном секторе. К странам, применяющим данный подход, можно отнести Гонконг и Ирландию².

Британский политолог Н. Срничек (N. Srnicek) поддерживает тезис о ключевой роли государства и необходимости применения им своих ресурсов для снижения негативных последствий функционирования и укрепления в социально-экономической сфере цифровых корпораций, основанных на платформенной бизнес-модели. Так, по мнению Н. Срничека, государство может: инициировать и принимать антитрастовые законы для разделения цифровых корпораций, обладающих характеристиками монополий, на большое количество конкурирующих компаний; ограничивать или запрещать деятельность цифровых корпораций, работа которых основана на эксплуатации дешевой рабочей силы (как примеры автор приводит работу сервиса по перевозке пассажиров Uber и онлайн-ритейлера Amazon); создавать инструменты и процедуры для сохранения конфиденциальности данных и частной жизни пользователей платформы; принимать согласованные действия на международном уровне, препятствующие уклонению цифровых корпораций от уплаты налогов и переводу средств в офшоры [Срничек, 2019, с. 112–113]. По последнему пункту важным шагом стало принципиальное согласие стран G7 на установление минимальной ставки налога на прибыль для транснациональных корпораций, достигнутое в ходе саммита в Корнуолле в июне 2021 г. В случае реализации такой меры на уровне G20 и для стран — участниц международных организаций, например ОЭСР, крупные корпорации будут платить налоги не по месту нахождения штаб-квартиры, а по месту осуществления продаж³.

При этом наиболее важным шагом государства, по мнению Н. Срничека, должно стать создание общественных платформ: «Это означает, что надо инвестировать огромные ресурсы государства в технологию, которая поддержит та-

² The age of digital interdependence. Report of UN Secretary-General's High-level Panel on Digital Cooperation. June 2019. 47 p. URL: <https://www.un.org/en/pdfs/DigitalCooperation-report-for%20web.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

³ G-7 Strikes Deal to Revamp Tax Rules for Biggest Firms // Bloomberg. 05.06.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-05/g-7-reaches-historic-deal-on-minimum-global-corporate-tax-rate> (дата обращения: 25.06.2021).

кие платформы и позволит предлагать их как общественное благо, своего рода коммунальные сооружения. В более радикальном ключе мы можем выступать за создание посткапиталистических платформ, которые используют данные, собираемые другими платформами, для того чтобы перераспределять ресурсы, поддерживать демократическое участие и способствовать дальнейшему технологическому развитию» [Срничек, 2019, с. 113].

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на идеологические пристрастия ряда исследователей и достаточно высокий уровень либерализации цифровых рынков, научное и политическое сообщества отмечают сохранение ключевой роли государства в регулировании процессов в цифровой среде. При этом сохраняется понимание, что инструменты правительств для эффективного вмешательства в данную сферу на сегодняшний день достаточно ограничены и мало чем отличаются от инструментов начала XX в. Целью государства на данном этапе является снижение негативных последствий от перекосов рынка и монополизации в цифровой сфере. В таком случае именно государство должно стать проводником интересов граждан в отношениях с цифровыми корпорациями и найти ответы на вызовы, предлагаемые цифровизацией экономики, слабо контролируемым развитием технологий и ростом влияния крупных корпораций, придерживающихся платформенной бизнес-модели.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВЫХ КОРПОРАЦИЙ И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

При анализе деятельности цифровых корпораций в России важно отличать отечественные IT-компании, продуктами и сервисами которых пользуются граждане, от продуктов зарубежных корпораций, адаптированных для российских пользователей. Например, поисковые системы Yandex и Mail.ru или социальная сеть «ВКонтакте» являются разработками отечественных компаний (последняя также имеет англоязычную версию, предоставляющую возможность расширения аудитории пользователей), а поисковик Google или социальная сеть Facebook* имеют лишь адаптированные русскоязычные версии. Кроме того, ряд цифровых ТНК имеют представительства или филиалы на территории России. В целом можно отметить, что Россия выступает в двух (традиционных) ипостасях по отношению к цифровым ТНК: как страна происхождения и как принимающая страна (или, скорее, потребляющая, пользующаяся услугами зарубежных цифровых корпораций).

Деятельность цифровых корпораций в России (как местных, так и транснациональных) обусловлена рядом факторов, влияющих на взаимодействие государства и бизнеса в стране:

- доминирующая роль государства в экономике страны. Проявляется через установление широких законодательных рамок для регулирования экономической сферы;

* Meta признана экстремистской организацией в РФ.

- высокий уровень участия государственных корпораций и компаний с государственным участием в акционерном капитале в различных сферах (нефтегазовая, банковская, ВПК и др.);
- низкий уровень открытых конфликтов между представителями бизнеса и государственными акторами. Бизнес активно участвует в реализации государственных проектов и программ, предпочитая кооперацию, а не конфликт;
- стремление частных корпораций и компаний с государственным участием к монополии и олигополии в ряде отраслей экономики;
- введение экономических и политических санкций рядом стран в отношении российских компаний, политиков, госслужащих и представителей целых секторов экономики стимулировали повышенное внимание государства к созданию более автономной экономики и определенному стремлению к политике изоляционизма.

Такое положение ведет к тому, что цифровые корпорации должны балансировать между своими бизнес-интересами и необходимостью повышения прибыли и соблюдением лояльности к российскому государству, его стремлению к стабильности политического режима, безопасности граждан, отстаиванию национального суверенитета. При этом важно отметить, что государство ищет возможности реализации указанных целей, используя современные ИТ-технологии и отчасти диджитализацию и моделирование цифровой экономики.

Таким образом, государство пытается одновременно выполнять свои охранительные функции, отстаивая ценности суверенитета и безопасности, и осуществлять переход к следующему технологическому укладу, основанному на цифровых технологиях. Данная ситуация, с одной стороны, предполагает создание различных моделей сотрудничества между основными интересантами перехода к цифровой экономике — бизнесом, гражданским обществом, государством, а с другой — имеет потенциал к зарождению и дальнейшей эскалации конфликтов между участниками такого треугольника.

Сотрудничество между государственными институтами и цифровыми корпорациями проявляется по следующим направлениям:

1. Разработка, развитие и внедрение цифровых продуктов и услуг со стороны госкорпораций или компаний с государственным участием. Потребителями таких продуктов являются не только частные лица, но и бизнес-организации. Кроме того, государственные корпорации могут обеспечивать реализацию инфраструктурных проектов для повышения уровня цифровизации страны.

Наиболее показательный пример участия госкорпорации в развитии инфраструктуры для цифровизации — компания «Ростех» и ее попытки внедрения отечественного оборудования для обеспечения граждан доступом к широкополосной мобильной связи пятого поколения — 5G⁴. Внедрение данной техно-

⁴ «Ростех» создаст консорциум производителей 5G // Коммерсантъ. 29.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4671554> (дата обращения: 25.06.2021); Александр Назаров: «Создание инфраструктуры для сетей 5G — стратегическое направление для “Ростеха”»

логии на территории России является стратегической задачей в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Кроме того, данная компания активно участвует в разработке и внедрении цифровых технологий по ряду ключевых направлений работы государственного сектора, заключая договоры и соглашения о сотрудничестве на уровне министерств⁵. Это говорит о высоком лоббистском ресурсе компании и ее стремлении к монопольному праву на предоставление услуг цифровизации представителям государственного сектора. Можно заключить, что «Ростех» стремится к увеличению политических ресурсов путем наращивания своего влияния и через делегирование государством части функций этой компании по цифровизации экономики.

Вторым примером предоставления цифровых продуктов со стороны корпораций с государственным участием является запуск ряда онлайн-сервисов и платформ на базе компании Сбербанк, более 50 % акций которой принадлежат Правительству РФ. Компания под брендом Сбер разработала и запустила цифровую экосистему, включающую в себя площадки онлайн-торговли и сервисы доставки, стриминговые аудио- и видеосервисы, системы телемедицины, денежных переводов и т. д. Всего в экосистему корпорации входят порядка 15 сервисов и услуг⁶. Разработка единой платформы Сбер и интеграция ряда сервисов укрепляет положение компании на этом рынке. Рост капитализации и доходов позволяет увеличивать получение правительством страны дивидендов по акциям.

2. Участие ведущих IT-корпораций в реализации основополагающих государственных программ по развитию технологического и цифрового потенциала: национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», в котором направление цифровизации экономики становится в один ряд с национальными проектами в сфере демографии, науки, образования, здравоохранения.

В основополагающих документах государство указало ключевые (сквозные) технологии, необходимые для создания цифровой среды и являющиеся базовыми для дальнейшего формирования модели цифровой экономики страны:

// Официальный сайт «Ростех». 25.09.2020. URL: <https://rostec.ru/news/aleksandr-nazarov-sozdanie-infrastruktury-dlya-setey-5g-strategicheskoe-napravlenie-dlya-rostekha/> (дата обращения: 25.06.2021).

⁵ «Ростех» и Минздрав подписывают соглашение о сотрудничестве // Официальный сайт «Ростех». 15.09.2017. URL: <https://rostec.ru/news/4521154/> (дата обращения: 25.06.2021); «Ростех» и Минсельхоз России займутся цифровизацией сельского хозяйства // Официальный сайт «Ростех». 17.04.2020. URL: <https://rostec.ru/news/rostekh-i-minselkhoz-rossii-zaumutsya-tsifrovizatsiyey-selskogo-khozyaystva/> (дата обращения: 25.06.2021); «Ростех» и Минстрой России займутся цифровой трансформацией строительства и ЖКХ // Официальный сайт «Ростех». 24.09.2020. URL: <https://rostec.ru/news/rostekh-i-minstroy-rossii-zaumutsya-tsifrovoy-transformatsiyey-stroitelstva-i-zhkhk/> (дата обращения: 25.06.2021).

⁶ Цифровая экосистема Сбера // Официальный сайт Сбербанка. URL: <https://www.sberbank.com/ru/eco> (дата обращения: 25.06.2021).

большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорика, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности⁷. (Несмотря на то что распоряжение об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 № 1632-р утратило силу, в Указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» отмечена необходимость разработки сквозных технологий для реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.)

Развитие цифровой сферы требует больших финансовых, производственных и технологических затрат, а также участия различных заинтересованных акторов: государства, бизнеса, гражданского общества, представителей научной сферы. В 2017 г. государство выступило инициатором сотрудничества между указанными стейкхолдерами, постановив зарегистрировать автономную некоммерческую организацию «Цифровая экономика», учредителями которой являются: Правительство РФ, госкорпорации и компании с государственным участием («Ростех», Сбербанк, «Ростелеком», «ВЭБ Инновации» и др.), крупные частные компании (1С, «Билайн», МТС, «Яндекс», «Рамблер», «Мейл.ру» и др.), некоммерческие организации (Фонд «Сколково», Агентство стратегических инициатив). Данная организация стала платформой для сотрудничества государства и национальных цифровых корпораций с целью формирования и достижения обеими сторонами своих интересов: реализация заявленной программы и обеспечение лидерских позиций по ключевым технологиям ближайшего будущего, повышение инвестиционной привлекательности экономики для правительства, а для бизнеса — рост прибыли, укрепление положения на рынке, возможности получения налоговых льгот и субсидий, экономия на создании цифровых продуктов путем совместной их разработки.

3. Иностранные цифровые корпорации стремятся соблюдать законодательство Российской Федерации, а в случае конфликтов или противоречий не идут на их обострение.

Увеличение санкционного давления на Россию с 2014 г. стимулировало государство более активно участвовать в политике импортозамещения и регулировании различных секторов и отраслей экономики. Персональные и секторальные санкции со стороны США и европейских стран не способствовали установлению в России режима «закрытой крепости», но отчасти легитимизировали стремление к определенному уровню автаркии. В свою очередь рост участия государства в экономике привел также к повышению внимания властей к информационным технологиям и интернет-сервисам. Это проявилось в ряде законов, принятых с целью получения некой «технологической независимости» от условного Запада путем регулирования IT-сферы. Одним из таких законов

⁷ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

стал Закон о хранении персональных данных в России, вступивший в силу с 1 сентября 2015 г. В соответствии с законом компании (поисковые и почтовые сервисы, социальные сети, видеохостинги и др.) обязаны хранить персональные данные российских пользователей на серверах, расположенных на территории страны. И если перед принятием законопроекта российские и иностранные цифровые корпорации акцентировали внимание на его негативных сторонах (нехватка времени на переоборудование и переоснащение площадок для хранения, размытость формулировок, непродуманность технологической части), то затем нашли способы минимизации расходов и стали выполнять требования⁸.

Здесь же стоит отметить, что у ряда крупнейших цифровых корпораций отсутствуют офисы или представительства на территории России. Однако это не является препятствием для доступа граждан к услугам и сервисам компаний.

Конфликтный характер отношений между государственными институтами России и цифровыми корпорациями проявляется по следующим направлениям:

1. Стремление государства к обеспечению безопасности граждан в ущерб политическим и гражданским свободам.

Наиболее показательным случаем является запрет на работу мессенджера Telegram в России со стороны Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в 2018 г. Руководство сервиса не предоставило Федеральной службе безопасности ключи для расшифровки личных сообщений шести граждан, причастных к теракту в метро Петербурга 3 апреля 2017 г. Создатель Telegram бизнесмен Павел Дуров выдвинул два тезиса в поддержку такого решения: невозможность технически исполнить требование ведомства⁹; требования ФСБ нарушают статью Конституции РФ о тайне переписки¹⁰. Несмотря на последовавшую блокировку сервиса, пользователи могли в полном объеме пользоваться услугами Telegram. Стоит отметить, что проблемы с блокировкой мессенджера ранее были в Китае, Иране и Афганистане. Такая ситуация ставит под сомнение возможности и эффективность применения государством запретительных мер по отношению к цифровым продуктам и компаниям.

Кроме того, запрет на работу Telegram дал возможность несистемной оппозиции сформулировать единую идею и месседж митинга, состоявшегося 30 апреля 2018 г. на проспекте Академика Сахарова в Москве. В акции приняли участие около 12 тысяч человек. Однако лозунги и выступления спикеров ка-

⁸ Google начала переносить серверы в российские дата-центры // РБК. 10.04.2015. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/04/2015/5522a9f69a794752a5f478fa (дата обращения: 25.06.2021).

⁹ 11-й день продолжаются попытки заблокировать Telegram на территории России // Персональный аккаунт Павла Дурова во «ВКонтакте». 26.04.2018. URL: https://vk.com/wall1_2382822 (дата обращения: 25.06.2021).

¹⁰ Иногда говорят, что Telegram был заблокирован в России, так как «закон есть закон» // Персональный аккаунт Павла Дурова во «ВКонтакте». 08.05.2018. URL: https://vk.com/wall1_2442097 (дата обращения: 25.06.2021).

сались не только ограничений на работу мессенджера, но и в целом критиковали власти за коррупцию, урезание свобод и т.п.¹¹ Таким образом, давление на Telegram и неспособность государства эффективно решить проблему блокировки продукта компании стали поводом для организации протестной акции и стимулом к ситуационному объединению несистемных оппозиционных сил.

2. Использование продуктов и сервисов, разработанных зарубежными цифровыми корпорациями, в качестве инструмента мобилизации граждан для участия в несанкционированных массовых акциях.

Примером продукта, влияющего на включение граждан в политическую повестку и мобилизацию протестной активности, является китайская социальная сеть TikTok, позволяющая пользователям размещать короткие видеоролики или клипы. Приложение TikTok обладает рядом характерных черт, отличающих его от других социальных сетей и видеохостингов: низкий средний возраст аудитории, преобладание молодежи; отсутствие текста и длинных видеороликов; преобладание развлекательного контента (политические призывы и смыслы «упаковываются» в юмористический видеоконтент); высокий уровень индивидуальности подбора видеороликов путем алгоритмов и системы лайков. Однако несмотря на то, что руководство социальной сети позиционирует ее как развлекательную площадку, пользователи включаются в политическую повестку, привлекают внимание к политическим проблемам, ограничению гражданских свобод в ряде стран и т.д. Как правило, пользователи, размещающие подобный контент (например, обвиняющие власти Китая в репрессиях), блокируются, а для самих видеозаписей снижается возможность расширения охвата зрителей¹².

В январе 2021 года TikTok стал площадкой для призыва пользователей принять участие в несанкционированных акциях против задержания правоохранительными органами оппозиционера Алексея Навального¹³ 23 и 30 января. В соответствии с распоряжением Роскомнадзора, модераторы видеохостинга удаляли записи, призывающие несовершеннолетних пользователей участвовать в митингах¹⁴. Несмотря на достаточно широкое обсуждение и критику TikTok за агитацию участвовать в несанкционированных акциях, мы предпола-

¹¹ В Москве прошла акция в поддержку Telegram и свободного интернета // BBC News: русская служба. 30.04.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-43949019> (дата обращения: 25.06.2021).

¹² Цензура в ТикТоке: как китайская соцсеть пытается избегать политики и почему у нее это не получается // Телеканал «Настоящее время». 03.01.2020. URL: <https://www.currenttime.tv/a/tiktok-china-censorship/30347320.html> (дата обращения: 25.06.2021). (Телеканал «Настоящее время» внесен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.)

¹³ Алексей Навальный внесен Федеральной службой по финансовому мониторингу в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

¹⁴ Роскомнадзор сообщил об удалении в соцсетях 89% призывов участвовать в незаконных акциях // Коммерсантъ. 23.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4661023?id2004826> (дата обращения: 25.06.2021).

гаем, что роль данной платформы в политической мобилизации несовершеннолетних пользователей преувеличена. Так, согласно исследованию социального антрополога Александры Архиповой и политолога Алексея Захарова, на акции 23 января, несовершеннолетних граждан было порядка 10% от числа участников митингов в Москве. По подсчетам информационного агентства Associated Press в Москве в митинге приняло участие около 15 тысяч человек¹⁵. Следовательно, несовершеннолетних могло быть около 1500 человек. Возникает ряд вопросов: сколько из них узнали об акции из TikTok? В какой степени видеохостинг оказал влияние на принятие решения о посещении митинга? Однако, несмотря на небольшое количество несовершеннолетних участников акции, ряд политических акторов и СМИ подвергли критике руководство TikTok за призывы и рекламу несанкционированного митинга. Например, руководство Комиссии Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России пригласило генерального директора представительства TikTok на заседание с целью «обсудить вопросы и наладить дальнейшее взаимодействие»¹⁶, а в апреле 2021 г. по решению суда социальная сеть была оштрафована за неудаление информации, призывающей несовершеннолетних участвовать в несанкционированных протестных акциях 23 января¹⁷.

На наш взгляд, причинами негативного отношения к TikTok со стороны ряда государственных структур и ведомств является, во-первых, отсутствие информации и непонимание принципа работы алгоритмов видеохостинга, отвечающих за демонстрацию того или иного ролика, и, во-вторых, стремление к жесткому контролю работы зарубежных информационных, сетевых площадок и в целом цифровых ТНК. Анализ аналогичных случаев в России и других странах позволяет предположить, что руководство TikTok в дальнейшем будет сотрудничать с властями и выполнять требования по блокировке пользователей или удалению контента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мере ускорения развития процессов цифровизации, проявления их негативных последствий (цифровое неравенство, давление на рынок труда и социальную сферу, кибербезопасность и конфиденциальность данных) и усиления цифровых ТНК правительства будут вынуждены формировать различные модели взаимодействия с ними. При этом ключевой проблемой будет соблюдение

¹⁵ 3000 arrested at protests demanding Navalny's release // Associated Press. 24.01.2021. URL: <https://apnews.com/article/vladimir-putin-moscow-arrests-europe-russia-56e06f50eab494213d09346a5d9b4e69> (дата обращения: 25.06.2021).

¹⁶ Комиссия Думы ждет на беседу главу представительства TikTok в РФ // Интерфакс. 27.01.2021. URL: <https://www.interfax.ru/russia/748055> (дата обращения: 25.06.2021).

¹⁷ Суд оштрафовал TikTok за неудаление призывов к несовершеннолетним принять участие в незаконных акциях // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 06.04.2021. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73540.htm> (дата обращения: 25.06.2021).

баланса между экономической свободой цифровых корпораций и стремлением к реализации «сетевых эффектов» для расширения платформ и необходимостью государства обеспечивать политическую и социальную стабильность, снижать негативные эффекты от использования цифровых сервисов (распространение фейковых новостей, влияние на выборы, утечка персональных данных). Однако указанные риски и вызовы вряд ли возможно решить без участия таких акторов, как представители гражданского общества и международные организации. Не должно игнорировать данную сферу и научное сообщество. В дальнейших исследованиях, на наш взгляд, необходимо сосредоточить внимание на следующих аспектах: инструменты законодательного регулирования деятельности цифровых корпораций, не препятствующие их экономическому развитию и тем положительным эффектам, которые приносит их деятельность обществу и отдельным индивидам; взаимодействие указанных выше акторов в решении глобальных проблем в целом и в сфере цифровизации в частности; поиск способов ограничения использования цифровых продуктов в целях ликвидации конституционного строя, совершения террористических актов, кибератак на инфраструктуру отдельных стран.

Литература

Абрамов В. Л., Абрамова О. Д. Трансформация конкурентных преимуществ транснациональных корпораций в цифровой экономике на современном этапе глобализационных процессов // Вопросы политологии. 2018. Т. 8, № 10 (38). С. 781–792.

Березной А. В. Транснациональный бизнес в эпоху глобальной цифровой революции // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 9. С. 5–17. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17>.

Паничкин Г. Ю. Построение цифровых платформ и экосистем корпорациями: российский опыт // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 4. С. 128–142. <https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-4-128-142>.

Паркер Д., Ван Альстин М., Чаудари С. Революция платформ: как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.

Срничек Н. Капитализм платформ. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.

Томин Л. В. Отношения государства и корпораций в эпоху «капитализма платформ» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 4. С. 483–496. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.403>.

Chen L., Shaheer N., Yi J., Li S. The international penetration of ibusiness firms: Network effects, liabilities of outsidership and country clout // Journal of international business studies. 2019. Vol. 50, iss. 2. P. 172–192. <https://doi.org/10.1057/s41267-018-0176-2>.

Claire Reillier L., Reillier B. Platform strategy: how to unlock the power of communities and networks to grow your business. New York: Routledge, 2017. 240 p.

Collier R. B., Dubal V. B., Carter C. Disrupting regulation, regulating disruption: The politics of Uber in the United States // Perspectives in Politics. 2020. Vol. 16, iss. 3. P. 919–937. <https://doi.org/10.1017/S1537592718001093>.

Culpepper P., Thelen K. Are we all Amazon primed? Consumers and the politics of platform power // Comparative Political Studies. 2020. Vol. 53, iss. 2. P. 288–318. <https://doi.org/10.1177/0010414019852687>.

Cusumano M., Gawer A., Yoffie D. The business of platforms: strategy in the Age of Digital competition, innovation, and power. Harper Business, 2019. 320 p.

Fukuyama F., Richman B., Goel A. How to save democracy from technology // *Foreign Affairs*. 2021. Vol. 100, no. 1. P.98–110.

Luo Y. A general framework of digitization risks in international business // *Journal of international business studies*. 2021. <https://doi.org/10.1057/s41267-021-00448-9>.

Moazed A., Johnson N.L. *Modern Monopolies: What It Takes to Dominate the 21st Century Economy*. New York: St Martin's Press, 2016. 272 p.

Moore M., Tambini D. *Digital Dominance: the power of Google, Amazon, Facebook*, and Apple*. London: Oxford University Press, 2018. 440 p.

Rahman K.S., Thelen K. The rise of the business model and the transformation of twenty-first-century capitalism // *Politics & Society*. 2019. Vol.47, iss. 2. P.177–204. <https://doi.org/10.1177/0032329219838932>.

Smyrniaios N. *Internet Oligopoly: The Corporate Takeover of Our Digital World (Digital Activism and Society: Politics, Economy and Culture in Network Communication)*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. 192 p.

Van Dijk J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. New York: Oxford University Press, 2018. 240 p.

Weiss P.V., Grab B. Risks and opportunities of digital platforms for scaling business models // 2020 BASIQ international conference: New trends in sustainable business and consumption. 6th BASIQ International Conference on New Trends in Sustainable Business and Consumption. 4–6 Jun 2020, Messina, Italy. P.829–834.

Woodcock J. *The Fight Against Platform Capitalism: An Inquiry into the Global Struggles of the Gig Economy (Critical, Digital and Social Media Studies)*. London: University of Westminster Press, 2021. 126 p.

Зайцев Станислав Юрьевич — канд. полит. наук, мл. науч. сотр; s.zaycev@epsis.ru

Статья поступила в редакцию: 1 июля 2021 г.;

рекомендована к печати: 26 ноября 2021 г.

Для цитирования: *Зайцев С. Ю.* Направления взаимодействия цифровых корпораций и государства в политической сфере России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18, № 1. С. 56–71. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.104>

AREAS OF INTERACTION BETWEEN DIGITAL CORPORATIONS AND THE GOVERNMENT IN THE POLITICAL SPHERE OF RUSSIA

Stanislav Yu. Zaitsev

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St Petersburg, 191186, Russian Federation; s.zaycev@epsis.ru

The widespread use of the Internet, the desire of leading world powers to implement the concept of the digital economy, and the scientific and technological progress in this area have led to an increasing influence of large digital corporations. The features of such corporations are the development of products, services, and infrastructure that ensure further digitalization of various spheres of society, as well as the use of a “platform” business model by companies. The increase in financial resources of digital corporations and their dominant position in the development of technologies are a qualitative reserve for influencing political processes: spreading fake news or to build communication between candidates and citizens during election campaigns; the use of products of digital corporations by activists to mobilize and coordinate mass protests; and participation of large corporations in the implementation of government programs for the digitalization of the public sector. The activities of digital

* Мета признана экстремистской организацией в РФ.

corporations, thanks to the distribution of their products, have led to a change in a number of sectors of the economy (passenger transportation, trade, hospitality, advertising, etc.) and exposed the problems that states, as key political actors, will have to solve in the near future. Thus, the state needs to resist digital corporations in their desire to monopolize markets, ensure the security of citizens' personal data, and reduce the negative consequences of individuals using digital products and services. The article examines the key aspects of interaction between the state and digital corporations in Russia. The author highlights the main areas of cooperation and conflict between the state and digital corporations, based on an analysis of the most indicative and relevant cases.

Keywords: digital corporations, government, business, digitalization, platform.

References

Abramov V.L., Abramova O.D. Transformation of the competitive advantages of transnational corporations in the digital economy at the present stage of globalization processes. *Political Science Issues*, 2018, vol. 8, no. 10(38), pp. 781–792. (In Russian)

Bereznoy A.V. Multinational business in the era of global digital revolution. *World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 5–17. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17>. (In Russian)

Chen L., Shaheer N., Yi J., Li S. The international penetration of ibusiness firms: Network effects, liabilities of outsidership and country clout. *Journal of international business studies*, 2019, vol. 50, iss. 2, pp. 172–192. <https://doi.org/10.1057/s41267-018-0176-2>.

Claire Reillier L., Reillier B. *Platform strategy: how to unlock the power of communities and networks to grow your business*. New York: Routledge, 2017. 240 p.

Collier R.B., Dubal V.B., Carter C. Disrupting regulation, regulating disruption: The politics of Uber in the United States. *Perspectives in Politics*, 2020, vol. 16, iss. 3, pp. 919–937. <https://doi.org/10.1017/S1537592718001093>.

Culpepper P., Thelen K. Are we all Amazon primed? Consumers and the politics of platform power. *Comparative Political Studies*, 2020, vol. 53, iss. 2, pp. 288–318. <https://doi.org/10.1177/0010414019852687>.

Cusumano M., Gawer A., Yoffie D. *The business of platforms: strategy in the Age of Digital competition, innovation, and power*. Harper Business, 2019. 320 p.

Fukuyama F., Richman B., Goel A. How to save democracy from technology. *Foreign Affairs*, 2021, vol. 100, no. 1, pp. 98–110.

Luo Y. A general framework of digitization risks in international business. *Journal of international business studies*, 2021. <https://doi.org/10.1057/s41267-021-00448-9>.

Moazed A., Johnson N.L. *Modern Monopolies: What It Takes to Dominate the 21st Century Economy*. New York: St Martin's Press, 2016. 272 p.

Moore M., Tambini D. *Digital Dominance: the power of Google, Amazon, Facebook*, and Apple*. London: Oxford University Press, 2018. 440 p.

Panichkin G.Y. Building digital platforms and ecosystems by corporations: Russian experience. *Management theory and practice*, 2021, vol. 4, pp. 128–142. <https://doi.org/10.46486/0234-4505-2021-4-128-142>. (In Russian)

Parker G., Van Alstyne M., Choudary S. *Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy — and How to Make Them Work for You*. (Rus ed.). Moscow, Mann, Ivanov, Ferber Publ., 2017. 304 p. (In Russian)

Rahman K.S., Thelen K. The rise of the business model and the transformation of twenty-first-century capitalism. *Politics & Society*, 2019, vol. 47, iss. 2, pp. 177–204. <https://doi.org/10.1177/0032329219838932>.

* Мета признана экстремистской организацией в РФ.

Smyrniaios N. *Internet Oligopoly: The Corporate Takeover of Our Digital World (Digital Activism and Society: Politics, Economy and Culture in Network Communication)*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. 192 p.

Srnichek N. *Capitalism of the platforms*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2019. 128 p. (In Russian)

Tomin L.V. The relationship of the state and corporations in the age of "Platform Capitalism". *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 483–496. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.403>. (In Russian)

Van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. New York: Oxford University Press, 2018. 240 p.

Weiss P.V., Grab B. Risks and opportunities of digital platforms for scaling business models. *2020 BASIQ international conference: New trends in sustainable business and consumption. 6th BASIQ International Conference on New Trends in Sustainable Business and Consumption*. 4–6 Jun 2020, Messina, Italy, pp. 829–834.

Woodcock J. *The Fight Against Platform Capitalism: An Inquiry into the Global Struggles of the Gig Economy (Critical, Digital and Social Media Studies)*. London: University of Westminster Press, 2021. 126 p.

Received: July 1, 2021

Accepted: November 26, 2021

For citation: Zaitsev S. Yu. Areas of interaction between digital corporations and the government in the political sphere of Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 56–71. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.104> (In Russian)